

Нелидович-Давченко В.М.

СКОБЕЛЕВ

Седьмая Книга

Василий Немирович-Данченко
Скобелев

«Седьмая книга»

1886

Немирович-Данченко В. И.

Скобелев / В. И. Немирович-Данченко — «Седьмая книга», 1886

Он знал, что ведет на смерть, и без колебаний не посылал, а вел за собой. Первая пуля – ему, первая встреча с неприятелем была его. Дело требует жертв, и, раз решив необходимость этого дела, он не отступил бы ни от каких жертв. «Полководец, Суворову равный», отзывались о Скобелеве в русской военной академии. Походы в Коканд, присоединение к Российской империи Туркестана, защита братьев-славян в балканских сражениях под Плевной, на Шипке, долгое стояние русских войск под командованием Скобелева под стенами заветного Царьграда-Константинополя, векового стремления России – вот лишь некоторые эпизоды увлекательного документального романа Немировича-Данченко, знавшего и дружившего с легендарным русским генералом.

© Немирович-Данченко В. И., 1886

© Седьмая книга, 1886

Содержание

Вместо введения	6
Глава 1	14
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Иванович Немирович-Данченко Скобелев

Моя книга – не биография Скобелева, а ряд воспоминаний и отрывков, написанных под живым впечатлением тяжёлой утраты этого замечательного человека. Между ними встречаются наброски, которые может быть, найдут слишком мелкими. Мне казалось, что в таком сложном характере, как Скобелев – всякая подробность должна быть на счету.

Когда я привел взгляды покойного на разные вопросы нашей государственной жизни. С его убеждениями можно не соглашаться, Но молчать о них нельзя. Сожалею, что условия, среди которых приходится работать русскому писателю, не позволяют очертить убеждения Скобелева во всей их полноте: они во многом изменили бы установившееся о нем мнение. При этом, мне пришлось воспользоваться прежним моим «дневником» и повторить из него несколько страниц. Этого нельзя было избежать вовсе.

Автор

Вместо введения

Я уже говорил в первом издании этой книги, что она – не биография Скобелева, а ряд воспоминаний и отрывков, написанных под живым впечатлением тяжелой утраты этого, в высшей степени, замечательного человека. Между ними встречаются наброски, которые, может быть, найдут слишком мелкими. Мне казалось, что в таком сложном характере, как Скобелев, – всякая подробность должна быть на счету. Кое-где я привел взгляды покойного на разные вопросы нашей государственной жизни. С его убеждениями можно не соглашаться, но молчать о них нельзя. Сожалею еще раз о том, что условия, среди которых приходится работать русскому писателю, не позволяют очертить убеждения Скобелева во всей их полноте.

Он не был славянофилом в узком смысле – это, несомненно. Он выходил далеко из рамок этого направления, ему они казались слишком тесны. Ему было дорого наше народное и славянское дело. Сердце его лежало к родным племенам. Он чувствовал живую связь с ними – но на этом и оканчивалось его сходство с нынешними славянофилами. Взгляды на государственное устройство, на права отдельных племен, на многие внутренние вопросы у него были совершенно иные. Если уж необходима кличка, то он скорее был народником. В письме, полученном мной от его начальника штаба генерала Духонина, после смерти Скобелева, между прочим сообщается, что в одно из последних свиданий с ним Михаил Дмитриевич несколько раз повторял: «Надо нам, славянофилам, сговориться, войти в соглашение с „Голосом“... „Голос“ во многом прав. Отрицать этого нельзя. От взаимных раздражений и пререканий наших – один только вред России». То же самое не раз он повторял и нам, говоря, что в такую тяжелую пору, какую переживает теперь наше отечество, всем людям мысли и сердца нужно сплотиться, создать себе общий лозунг и сообща бороться с темными силами невежества.

Славянофильство понимал покойный не как возвращение к старым идеалам допетровской Руси, а лишь как служение исключительно своему народу. Россия для русских, славянство для славян... Вот что он повторял повсюду. Взять у Запада все, что может дать Запад, воспользоваться уроками его истории, его наукою – но затем вытеснить у себя всякое главенство чуждых элементов, развязаться с холопством перед Европой, с несколько смешным благоговением перед ее дипломатами и деятелями. «Ученик не лакей, – повторял он. – Учиться – я понимаю, но зачем же ручку целовать при этом?... Они не наши, во многих случаях они являлись нашими врагами. А враги – лучшие профессора. Петр заимствовал у шведов их военную науку, но он не пошел к ним в вассальную зависимость. Я терпеть не могу немцев, но и у них я научился многому. А заимствуя у них сведения, все-таки благоговеть перед ними не стаду и на буксире у них не пойду. Разумеется, я не говорю о презрении к иностранцам. Это было бы глупо. Презирать врага – самая опасная тактика. Но считаться с ними необходимо. Между чужими есть и друзья нам, но не следует сентиментальничать по поводу этой дружбы. Она до тех пор, пока у нас с ними враги общие. Изменись положение дел, и дружбы не будет. Повторяю: учиться и заимствовать у них все, что можно, но у себя дома устраиваться как нам лучше и удобнее». Никто более Скобелева не удивлялся взаимной нетерпимости разных литературных направлений у нас. Он никак не мог освоиться с той мыслью, что при отсутствии политической жизни и свободы в стране борьба идей переходит в отдельную борьбу личностей. Ему казалось возможным сплотиться всем, составить общую программу, направить общие усилия к одной цели. С несколько комической даже серьезностью он советовал: да вы сначала вкупе и влюбие поработайте, чтобы право на свое существование отстоять, завоевать себе свободу, а потом уже делитесь на партии, на кружки... Будущим идеалом государственного устройства славянских народов был для него союз автономий, с громадною и сильною Россией в центре. Все они у себя внутри делай что хочешь и живи как хочешь, но военные силы, таможня, монета должны быть общими. Все за одного и один за всех. Я еще раз должен выразить глубокое сожаление,

что об идеях и планах этого государственного человека гораздо свободнее пишут и говорят за границей, чем у нас. Жалкое положение отечественного писателя в этом отношении вне всяких сравнений, и поэтому мы поневоле ограничиваемся сказанным здесь.

Родился М.Д. 17 сентября 1843 года. На первоначальное его воспитание, на склад этого замечательного характера более всего влияла мать – умная и энергичная Ольга Николаевна, урожденная Полтавцева. Покойный все время относился к ней с самою искреннею любовью. «Она одна меня понимает, она одна меня ценит, – не раз повторял он. – Ах, если бы она могла со мной жить постоянно...» Скобелев настолько чувствовал нужду в человеке, с которым мог быть вполне откровенным, начистоту, что после смерти матери он не раз просил свою тетку Полтавцеву: «Переезжай ко мне в Минск, ты меня избавишь от многого...» Насколько он был потрясен трагической кончиной своей матери, видно из рассказов близких к нему людей. Ода оставила в его душе – все время не заживавшую рану. После этого на него стали находить приладки мрачности, глубокой, ни с чем несравнимой тоски и отчаяния. Он болезненно чувствовал свое одиночество. Он не раз жаловался на то, что около нет близкого, дорогого человека. Вот отрывок из письма его сослуживца, который правдиво рисует душевное настроение почившего героя.

«Мих. Дмитр. был в эту минуту весьма расстроен. Я старался изменить разговор и отвлечь его мысли в другую сторону. С этой целью я придвинул к себе портфель с докладом, но Скобелев, заметив это, объявил мне, что он сегодня не расположен заниматься делами. Затем он встал, взял меня под руку и стал прохаживаться по кабинету.

– Вы находите, что я очень взволнован сегодня?

– Да, и вам надо успокоиться.

– Это невозможно!..

– Почему?

– А потому же: все на свете – ложь, и счастье только в одной доброй семье. Там люди спокойны, откровенны. Я вам очень и очень завидую. Вы вернетесь домой, вас встретит семья, и вы забудетесь от волнующих вас мыслей, мало того, испытаете много радости, видя возле себя жену, не оставлявшую вас даже на Шипке, а я?.. Вы уйдете, я опять останусь один с своими мыслями... с терзающими меня сомнениями, со всею окружающею меня парадной обстановкой... Начнешь думать, думать и опять ни до чего другого не додумаешься, как до того, что все на свете – ложь и ложь!..

Болезненная струна, часто звучавшая в последнее время в душе Скобелева.

– Со смертью матери у меня оторвалось многое от сердца... И зажить оно не может. Все кровью сочится. К кому я пойду теперь, когда душа заболит... Вечно один и один... Сослуживцы?.. Я их глубоко люблю, знаю, и они меня любят, но это все не то. Тут я был сыном, другом... Один я знаю – насколько я обязан ей, ее советам, ее влиянию. Она одна меня понимала. Ах, если бы она могла жить со мною постоянно...»

Отец далеко не мог на него действовать таким образом. Отец был слишком суров, формален. В старое время – отцы действительно являлись довольно строгим начальством для своих детей. Тогда даже ласка считалась вредно влияющей слабостью. С ним не мог ребенок чувствовать себя так, как с матерью – это прошло и на всю остальную жизнь. С матерью он был весь нараспашку. Она знала его – со всеми его мечтами, планами, с той интимной стороной жизни, которая бежала от парадной обстановки, от сослуживцев, от друзей.

Самым неприятным воспоминанием его детства был подлый и жестокий гувернер немец, не щадивший самолюбия впечатлительного мальчика. Независимый с самого раннего возраста, вспыльчивый, чрезвычайно подвижный – ребенок сразу подвергся всем прелестям германской муштры, еще усиливаемой презрением к русскому происхождению мальчика. Скобелева «били прутом за всякий дурно выученный урок, за малейшие пустяки. Между гувернером и учеником установилась глухая вражда. Гувернер ухаживал за кем-то и, отправляясь к ней, надевал

фрак, цилиндр и новые перчатки. Скобелев мазал ручку у дверей ваксой». Скобелев до такой степени ненавидел своего учителя, что, стиснув зубы, молчал под ударами, не желая своими криками и стонами доставить ему удовольствие. Зато в одиночку потом он плакал целые ночи, воспитывая, таким образом в себе с самого раннего детства ненависть к немцам, с одним из неприятнейших экземпляров которых он познакомился столь близко и столь основательно, 12-ти лет Скобелев был детски влюблен в девочку такого же возраста и катался с нею верхом. «Раз в ее присутствии гувернер немец ударил его по лицу. Скобелев, взбешенный до последней степени, плюнул на него и ответил за удар пощечиной». Тут-то отец наконец понял, что такая система воспитания никуда не годится и ни к чему хорошему не ведет. Он отдал сына совсем в другие руки – Дезидерию Жирарде, державшему пансион в Париже. Грубый и подлый по натуре немец был заменен человеком, совершенно противоположным. Мягкий, гуманный Жирарде и в ребенке умел уважать человека. Обладая громадным образованием, Жирарде долго и после того оставался для Скобелева идеалом благородства и честности. Круто изменившаяся воспитательная система принесла разом блестящие плоды. Жирарде, по счастливому выражению г. Маслова, стал развивать в Скобелеве религию долга. Привязавшись к Мих. Дм., он приехал с ним в Россию и более не разлучался. Впоследствии он приезжал к нему даже на войну, деля с ним ее боевые тревоги. После матери это была самая искренняя привязанность покойного. Когда я встретился со стариком на похоронах Скобелева, я так и припомнил рассказы о нем. Предо мной был тип гуманного, благородного и честного французского ученого, и тогда же мне пришло в голову, к каким последствиям, даже совершенно безотчетно, могло привести Скобелева незаметное, шаг за шагом сопоставление Жирарде с первым гувернером-немцем.

Семья Скобелева хотела, чтобы он заключил свое образование в России.

Он поступил в Петербургский университет, но во время беспорядков в 1861 году должен был оставить его. Он слушал лекции по математическому факультету, хотя его тянуло совсем в другую сторону, и у себя дома вместо университетских лекций Скобелев просиживал над военными науками. Выйдя из университета, он поступил юнкером в кавалергардский полк и через два года произведенный в корнеты перевелся в гродненские гусары, чтобы принять участие в военных действиях в Царстве Польском. Под Меховом и в других делах он сразу выказал замечательную личную храбрость и военные способности. По окончании восстания он поступил в Николаевскую академию генерального штаба, где по виду занимался как будто бы очень мало, а в действительности, разумеется, гораздо глубже других входил в свое дело. Тем не менее его считали не особенно «старательным» и только совершенно особый случай доставил ему возможность зачислиться в генеральный штаб. На практических испытаниях в северо-западном крае Скобелеву задано было отыскать наиболее удобный пункт для переправы через р. Неман. Для этого нужно было произвести рекогносцировки всего течения реки. Вместо того Скобелев прожил все время на одном и том же пункте. Явилась поверочная комиссия с генер. – лейтенантом Леером. Скобелев на вопрос о переправе вместо всяких разглагольствований, долго не думая, вскочил на коня и, подбодрив его нагайкой, прямо с места бросился в Неман и благополучно переплыл его в оба конца. Это привело Леера в такой восторг, что он тотчас же настоял зачислить решительного и энергичного офицера в генеральный штаб. Такие системы переправ и потом практиковались уже генералом Скобелевым. Перед переходом Дуная он в 1877 г. сделал то же. Сбросил с себя платье, велел расседлать и размундштучить коня и в одном белье верхом переплыл в оба конца громадную реку. На маневрах незадолго до своей смерти он от кавалерийских полков требовал того же самого.

– Пусть у меня в корпусе подготовка кавалерии будет поставлена так, чтобы переправа вплавь не затрудняла ни больших, ни малых отрядов. Не знать препятствий на войне, уметь искусно преодолевать их – великие данные для победы, и я хочу вооружить вас подобным знанием! – обратился он к своим.

Вслед за тем он приказал на следующий день екатеринославским драгунам приготовиться к переправе всем полком. Появилось несколько удивленных физиономий.

– Как это вплавь, да еще всем полком.

– Я сам буду руководить переправой и за все последствия принимаю ответственность на себя, – ответил на это Скобелев.

На другой день, созвав всех офицеров и унтер-офицеров полка, он рассказал им, в чем дело, и затем прибавил:

– Впрочем, к разговору лучше прибавить и показ. Дайте мне лошадь, только не степную, привычную, а воспитанную в конюшне.

Ему подали кровного английского скакуна. Он велел его расседлать, а затем разделся сам и в одном белье верхом на коне погрузился в глубь реки. Лошадь стала тонуть, нырнул и Скобелев, но, не потеряв духа, поводом направил лошадь на противоположный берег. Эта борьба на самом глубоком месте реки продолжалась минуты две, затем конь покорился Скобелеву и выплыл благополучие на намеченное место.

– В другой раз конь будет смелее и послушнее! И Скобелев тотчас же повторил переправу. Конь поплыл спокойно и уже без сопротивления.

Перед последним его выездом из Минска Скобелев отдал все приказания для подготовки на предстоящие маневры к концу августа в Могилеве опыта переправы через Днепр целого отряда по военному составу из войск всех трех родов оружия.

Таким образом еще юношей Скобелев уже показывал то, кем он будет впоследствии.

В 1864 году он посетил театр войны в Датскую кампанию, а через четыре года был назначен в Туркестан, где в 1869 уже принимал участие в действиях генерала Абрамова на бухарской границе. В 1870 году М.Д. был назначен на Кавказ, а в 1871 году уже состоял при полковнике Столетове в Закаспийском крае, где произвел скрытую рекогносцировку к Сарыкамышу. Это не входило в виды кавказского начальства, вообще и впоследствии не особенно расположенного к молодому талантливому офицеру. Результатом было возвращение Скобелева в Петербург.

Об этом периоде его жизни рассказываются всевозможные басни. Разумеется, как кипучая, крупная натура Скобелев не мог оставаться в благоразумных пределах будничной мещанской морали; молодость брала свое, а бездействие, часто вынужденное, толкало в бешеную жизнь местной золотой молодежи, убивавшей избыток сил на кутежи, на выходки, иногда доходившие до невозможного. Тем не менее, большинство эпизодов, передающихся участниками этих оргий, разумеется, вымышлено, как вымышлены не столько подлые, сколько просто глупые рассказы о том, как Скобелев – этот богатырь земли русской – являлся в то время будто бы изнеженным и трусливым барчонком. Все, что хотите, только не это. Разумеется, питерским хлыщам, являвшимся в Туркестан, глаза мозолил некогда их бывший товарищ, делавший такую быструю карьеру и ослеплявший даже привычных к опасностям людей своей львиной храбростью, отвагой легендарного витязя. Поэт войны и меча уже и тогда складывался в сильные, резко намечавшиеся формы. Часто ему приходилось испытывать мужество подчиненных ему людей, и нам помнится, с каким комическим негодованием передавал один из баловней петербургского режима эпизод, в котором и ему самому случилось участвовать. Дало в том, что раз в экспедиции Скобелеву на пути встретился заключенный в глиняные стены и оставленный разбежавшимися сартами город. Скобелев, желая вероятно испытать, насколько он может положиться на храбрость. Только что прибывшего к нему петербуржца, поручает ему осмотреть этот город.

– Вы мне дадите конвой?

– Нет, поезжайте в одиночку.

– Но там могут... – колебался тот.

– Вы, значит, трусите.

Приезжий, желавший показать себя не со стороны одной яркости перьев, но и как храброго молодчинищу, дал шпоры коню. Город он проскакал и, воротясь, доложил, что жителей нет.

– Я это, душенька, знал и без вас! – засмеялся Скобелев.

– Вот этого смеха я ему и до сих пор простить не могу. Помилуйте, за что он заставил меня испытать ужас одиночества в городе, предполагавшемся населенным врагами!..

В пояснение к этому нужно бы прибавить, что Скобелев, разумеется, не задумался бы сделать то же самое с тем различием, что его не остановило бы, если бы город не был оставлен, а жители его оказались на местах. В Алайском походе он делал и почище вещи – и не кричал о них, не рассказывал. Это было своего рода искусство для искусства, жажда ощущений. Спокойный формализм Петербурга ненадолго мог удержать Скобелева. Орел в курятнике зачих бы или вырвался бы оттуда. В Коканде открылись военные действия – он бросился в Среднюю Азию. «В 1873 году, командуя авангардом войск, действовавших против Хивы, М.Д. участвовал в делах под Итабаем, Ходжейли, Мангитом, Ильялами, Хош-Купыром, Джананыком, Авли и Хивой, а также и в иомудской экспедиции. В августе того же года он произвел скрытую и опасную экспедицию к Ортакую. Уже тогда его встретил на боевом поле Мак-Гахан и посвятил ему не одну из самых задушевных и блестящих страниц своего описания Хивинского похода». Через год после того мы уже видели Скобелева в южной Франции. Поехал он в Париж, но, наскучив бездействием и заинтересовавшись партизанскими действиями карлистов, пробрался к Дон Карлосу, оборонительные действия которого считал более достойными изучения, чем действия регулярной испанской армии. Тут он был свидетелем битв при Эстеле и Пепо-ди-Мурра. В данном случае Скобелев вовсе не являлся традиционным бонапартистом, для которого все равно, где бы ни драться, лишь бы драться. Он как военный специалист смотрел на это дело и брал свое, где его находил, всматривался во все, что ему казалось полезным и заслуживающим более пристального наблюдения. Оттуда в Париж он вернулся с парой попугаев, целой массой оружия и громадным количеством записок и заметок о партизанской горной войне, об обороне местностей не регулярной, а только что набранной из крестьян армией. Враги Скобелева в данном случае обратили внимание на попугаев и упустили его наблюдения и заметки. Что же – всякому дорого свое!

«Вслед за тем Скобелев сначала в должности начальника кавалерии, а затем как военный губернатор Ферганы и начальник всех войск, действовавших в бывшем Кокандском ханстве, принимал участие и руководил битвами при Кара-Чукуле, Махраме, Минч-Тюбе, Андижане, Тюра-Кургане, Намангане, Таш-Бала, Балыкчи, Чиджи-Бай, Гур-Тюбе, Андижане – второй раз, Ассакке, Коканде, Янге-Арык. Он же организовал и без особенных потерь совершил изумительную экспедицию, известную под именем Алайской» [Между прочим, на совести туркестанских офицеров лежит то, что до сих пор мало известно подробностей об этом замечательном походе. Давно бы пора появиться воспоминаниям о нем]. Тут ему приходилось совершать горные переходы через перевалы Сары-Магук на высоте 18,000 футов и Арчат-Даване на 11,000 футах. В последнюю турецкую войну при переходе Балкан он воспользовался опытностью своей для подобных походов и сумел не потерять ни одного солдата от мороза и метели там, где у других вымерзали целые полки и дивизии.

Скобелев в это время был известен только в Туркестане.

Наезжавшие оттуда люди «белой кости», – разочаровавшиеся в своих упованиях на Георгиевский крест и столь же быструю карьеру, – бранили Скобелева, как только могли. Явилась оскорбительная, разумеется, по их мнению, кличка победитель «халатников».

– Помилуйте, да разве может выйти что-нибудь из него? – сообщал мне один из таких.

– Почему же?

– Да ведь он со мной вместе в одном полку служил.

– За что же вы полк свой оскорбляете?

– Как так?

– Да разве из вашего полка ничего хорошего выйти не может?

– Нет, не то... Но я вместе с ним кутил... Помилуйте, в Тифлисе мы петуха в пьяном виде подвергли смертной казни, с соблюдением всех предписанных на этот случай обрядов. И вдруг – герой, полководец, гений...

Я, разумеется, только расхохотался над этой наивностью.

Из моей книги видно, как здесь приняли победителя «халатников».

Гении Красного Села и звезды питерских зал столкнулись с настоящей боевой силой. Результатами этого были случаи, от которых М. Дм. в первом периоде войны рыдал как ребенок.

Здесь в этом кратком, даже слишком кратком наброске о его прошлом мы не приводим рассказов о его деятельности в турецкую войну – этому посвящена большая часть моей книги. По окончании войны Скобелеву недолго пришлось бездействовать. В Закаспийском крае тяжкая неудача постигла наш отряд, «руководимый неопытными начальниками». Поправить дело поручили Скобелеву, он блистательно выполнил это назначение. 12 января 1881 года, в то время как благоприятели злорадствовали по поводу якобы неудач Скобелева, когда всюду расходились зловещие вести о том, что Скобелев в плену, что наши бегут из-под Геок-Тепе, – вдруг телеграмма принесла весть о падении крепости и полном разгроме этих легендарных богатырей-разбойников...

Удивительная жизнь, удивительная быстрота ее событий: Коканд, Хива, Алай, Шипка, Ловча, Плевна 18 июля, Плевна 30 августа, Зеленые горы, переход Балкан, сказочный по своей скорости поход на Адрианополь, Геок-Тепе и неожиданная, загадочная смерть – следуют одно за другим, без передышки, без отдыха.

Смерть неожиданная... Неожиданная для других, но никак не для него... Я уже говорил о том, как он не раз выражал предчувствия близкой кончины своей друзьям и интимным знакомым. Весной прошлого года, прощаясь с д-ром Щербаком, он опять повторил то же самое.

– Мне кажется, я буду жить очень недолго и умру в этом же году!..

Приехав к себе в Спасское, он заказал панихиду по генералу Кауфману.

В церкви он все время был задумчив, потом отошел в сторону к тому месту, которое выбрал сам для своей могилы и где лежит он теперь непонятный в самой своей смерти.

Священник о. Андрей подошел к нему и ваял его за руку.

– Пойдемте, пойдемте... Рано еще думать об этом... Скобелев очнулся, заставил себя улыбнуться.

– Рано?... Да конечно рано... Повоюем, а потом и умирать будем...

Прощаясь с одним из своих друзей, он был полон тяжелых предчувствий.

– Прощайте!..

– До свидания...

– Нет, прощайте, прощайте... Каждый день моей жизни – отсрочка, данная мне судьбой. Я знаю, что мне не позволят жить. Не мне докончить все, что я задумал. Ведь вы знаете, что я не боюсь смерти. Ну, так я вам скажу: судьба или люди скоро подстерегут меня. Меня кто-то назвал роковым человеком, а роковые люди и кончают всегда роковым образом... Бог пощадил в бою... А люди... Что же, может быть, в этом искупление. Почему знать, может быть, мы ошибаемся во всем и за наши ошибки расплачивались другие?... – И часто и многим повторял он, что смерть уж сторожит его, что судьба готовит ему неожиданный удар.

И это не было мимолетное, скоропреходящее чувство, легкое расстройство нервов. Напротив. Скобелев, как каждый русский человек, был не чужд тому внутреннему разладу, который замечается в наших лучших людях. Его постоянно терзали сомнения. Анализ не давал ему того спокойствия, с каким полководцы других стран и народов посылают на смерть десятки тысяч людей, не испытывая при этом ни малейших укоров совести, полководцы, для которых

убитые и раненные представляются только более или менее неприятной подробностью блестящей реляции. Тут не было этой олимпийской цельности, Скобелев оказывался прежде всего человеком, и это-то в нем особенно симпатично. Очень уж не привлекателен даже гениальный генерал, для которого ухлопать дивизию-то же, что закусить. Это не ложная и пагубная сентиментальность начальников, чуть не плачущих перед фронтом во время боя. В такие минуты Скобелев бывал спокоен, решителен и энергичен, он сам шел на смерть и не щадил других, но после боя для него наступали тяжелые дни, тяжелые ночи. Совесть его не успокаивалась на сознании необходимости жертв. Напротив, она говорила громко и грозно. В триумфаторе просыпался мученик. Восторг победы не мог убить в его чуткой душе тяжелых сомнений. В бессонные ночи, в минуты одиночества полководец отходил назад и выступал на первый план человек с массой нерешенных вопросов, с раскаянием, с мучительным сознанием того, какую дорогую страшную цену требует неумолимый заимодавец судьба за каждый успех, в кредит отпущенный ею. Тысячи призраков сходились отовсюду с немим укором на бескровных устах – и недавний победитель мучился и казнился как преступник от всей этой массы им самим пролитой крови. Как кому не знаю, а для меня такой живо и глубоко чувствующий человек гораздо выше каменных истуканов, для которых бой – математическая формула с цифрами вместо людей! В высшей степени интересно в этом отношении доставленное мне письмо [Письмо Михаила Лаврентьевича Духонина] об одном из последних дней жизни М. Д.

Приведу из него некоторые отрывки.

«21 июня я имел последний служебный доклад у генерал-адъютанта Скобелева. Я его застал очень расстроенным, желтым.

– Не чувствуете ли вы себя больным? – спросил я.

– Да... Нужно заняться своим здоровьем... Дня через четыре я буду у себя в Спасском и начну правильное лечение.

– Что у вас?

– Катар и притом самое тяжелое, угнетающее состояние духа.

– Это всегда так бывает при подобных болезнях. Только такой сильный человек, как вы, должен бы совладать с собой.

– Я постараюсь...

За сим он начал разговор по поводу виденной им у меня картины, изображающей смерть майора Калитина со знаменем болгарской дружины в руке [Майор Калитин убит при защите Эски-Загры во главе болгарского ополчения, с его знаменем в руках, в тот момент, когда под напором бесчисленных таборов Сулеймана горсть наших войск должна была отступить].

– Нравится вам она?..

– Вот завидная смерть... Я бы хотел покончить свою жизнь такой именно смертью – во главе моего четвертого корпуса.

– Ну, М. Д., в бою, даст Бог, четвертый корпус не дрогнет, а потому и смерти, подобной смерти Калитина, не понадобится.

– Да, вы правы. Разумеется, четвертый корпус не дрогнет... Но я все же хочу славной смерти или...

– Или что?..

– Умирать пора... Один человек не может сделать более того, что ему под силу... Я свое дело выполнил и далее мне не идти вперед, а назад Скобелевы не пятились. Теперь мудреное время и мне остается разве только „размениваться“. Раз я вперед идти не могу – чего же жить? Видимо, в этот день ему было особенно тяжело.

– Я дошел до убеждения, что все на свете ложь, ложь и ложь... Все это – и слава, и весь этот блеск ложь... Разве в этом истинное счастье?.. Человечеству разве это надо?.. А ведь чего, чего стоит эта ложь, эта слава? Сколько убитых, раненых, страдальцев, разоренных!.. Кстати,

вы человек верующий, религиозный... Объясните мне: будем ли мы с вами отвечать Богу за массу людей, которых мы погубили в боях.

– По учению церкви – убивать во имя воинского долга и присяги допускается. При погребении воина она его разрешает от этого греха.

– Вы это из катехизиса... Я знаю... Но что скажет голос совести... За что же мы наконец живем и наслаждаемся славой, добытой кровью братьев, сложивших свои головы?..»

Как симпатична эта черта в покойном! Видимо, не дешево для его чуткой совести и глубоко страдавшего сердца достались эти лавры.

Несколько успокоившись, он стал говорить о хозяйстве в своем Спасском, о своих дальнейших намерениях, об устроенной там школе и приглашал своего собеседника и сослуживца приехать погостить к нему с женой. В то же время он послал приглашение к г. Хитрову...

– Там я успокоюсь, воскресну... – повторял он мне. – Вы знаете, там я положительно чувствую себя другим человеком...

И по приезде в Москву покойный кипел жаждой деятельности... Сотни планов рождались у него в голове... Сотни планов и больших и малых; впрочем, для него не было малого дела, он так же серьезно обдумывал устройство своих сельских школ, учреждение инвалидного дома, как серьезно стоял на страже русских интересов, как серьезно готовился ко всевозможным случайностям будущего.

Но судьба готовила ему уже ту самую смерть, которую в тяжелые, редкие минуты хотел он сам. За весь последний год, как и прежде, – кругом кишмя кишели враги, росли зависть и злоба, и он болезненно чувствовал свое одиночество, жаловался на то, что около нет близкого, дорогого человека... Скорбная нотка звучала иногда и в самые лучшие и светлые минуты его жизни.

– Дела впереди еще много!.. – говорил он мне в Москве. – ...Наши силы нужны... Всем следует сплотиться и отстаивать свое... Враг со всех сторон идет; неужели вы не понимаете, что Россия теперь вся на Малаховом кургане?

– Как это?

– Да так: мы отбиваемся опять от коалиции... Отовсюду нахлынули недруги... Разве это не войну они ведут с нами... Да, еще понадобятся наши силы... Одно страшно, жутко...

– Что это?

– Как вспомню, что опять начнут валиться под пулями да под штыками мои солдаты... Знаете, разумеется, надо... Сознаю, что надо... Лес рубят, щепки летят... Да ведь в каждой такой щепке целый мир... Ведь каждая такая единица, из которой мы складываем цифры убитых и раненых, носит в душе своей и радости, и страдания... Ведь сколько мук опять... Да, знаете... я люблю войну, она моя специальность. Но в то же время я ненавижу ее...

– Они думают, – говорил он нам, – о том, что для меня нет ничего лучше, как вести за собой войска под огонь, на смерть... Они думают, что я это из эгоизма... Ради личной славы? Нет, если бы они увидели меня в бессонные ночи... Если бы могли заглянуть, что творится у меня в душе... Иной раз самому смерти хочется, жутко, страшно... Так больно за эти бесчисленные жертвы!..

Глава 1

Громадная, молчаливая толпа перед гостиницей Дюссо. Обнаженные под палящим солнцем головы, заплаканные лица, растерянные взгляды... Со всех концов Москвы собралась и стоит она, храня благоговейную тишину. Только грохот дрожек по мостовой да крики полиции, усердно работающей неведомо зачем локтями и кулаками, нарушают безмолвие... С каждой минутой толпа эта растет и растет, набегают новые, наскоро крестятся и с упорной настойчивостью начинают вглядываться в два окна отеля, еще не занавешенные, как это распорядились сделать потом.

– Там?... – отрывисто спрашивают вновь приходящие.

– Ужли ж помер?..

В окнах, о которых мы говорим, под горячими лучами дня, пронизывающего их, мелькает то заплаканное женское лицо, то эполеты каких-то наскоро съехавшихся сюда генералов, то расшитый золотом мундир камергера. Что они ему? Что было между ними общего, когда еще жил он?

– На площади бы панихиду!.. – слышится в толпе.

– Сказывают, еще и там не служили...

«Да неужели Скобелев умер!» И как-то невыносимо дика кажется эта мысль; видишь всю эту печальную обстановку смерти, этих растерянных людей, эти тысячи молящихся и все-таки думаешь, что тут ошибка, недоразумение... Вот-вот выйдет кто-нибудь и объявит, что белый генерал очнулся... Но, увы, – не выходит никто... Народ видит в окна, как какой-то молоденький адъютант прислонился к стене и рыдает. Карета за каретой подъезжают к отелю, выходят оттуда сумрачные люди. Все точно ошеломлено горем. Как удар сверху – неожиданно. Еще не чувствуется боли – одно остолбенение на всех...

– Что же это, что это!.. – слышится кругом, но едва-едва, пересохшие от тоски уста только шепчут, точно боясь нарушить загадочный покой этого мертвеца-любимца восьмидесятимиллионного народа, рокового человека, так рано отмеченного перстом провидения и так безвременно сбитого с ног какой-то бессмысленной, неведомо зачем и откуда налетевшей силой... Точно смыло его куда-то... Еще вчера был, работал, готовился к громадным делам, еще накануне сосредоточивал на себе тысячи надежд и упований... И вдруг!.. Было от чего потерять голову...

В подъезде гостиницы встречаю знакомого... Слезы на глазах, такое же растерянное лицо...

– Послушайте, что это...

– А вот... вот... Вы больше, чем кто-нибудь, чувствуете эту потерю. Вы его знали лично... – Видимо, удерживается, чтобы не разрыдаться. – В час панихида будет...

Слова срываются помимо его воли, мешаются...

В отделении, занятом покойным Михаилом Дмитриевичем, уже толпа... Молча раздвигается она, пропуская вновь прибывающих, и также молча сдвигается... Говорят шепотом, плачут тоже про себя, точно сдерживая рыдания, словно боясь нарушить торжественный покой человека, бессильно лежащего теперь там, за той запертой дверью... Вот любимый адъютант Скобелева подполковник Баранок... В последний раз я видел его под Константинополем.

– При каких обстоятельствах... Опять увиделись... Скобелева нет уже... И не будет такого, как он...

– Здравствуйте! – подходит ко мне другой адъютант, Эрдели. – ...Умер наш генерал... – И тут же отвергывается в угол, бессильно, неслышимо рыдая...

Какие-то люди снуют... Очевидно, все за делом пришли... Вон сотрудник московских газет растерянно бежит из угла в угол... Вон фотограф Панов сел у двери да так и застыл... Вон какой-то армейский генерал расставил ноги посреди комнаты и заостенел...

– Ваше превосходительство!.. – подходит к нему кто-то...

– Гроном пришибло-с... Гроном-с... Вот после этого и верь-с... Правда-то где? Где правда...

Тихо проходит мимо вся в слезах дама... Родственница покойного... Шепчется о чем-то с генерал-губернатором Долгоруким – тот, очевидно, тоже еще не чувствует боли этой потери, а пока лишь ошеломлен ею... То устанет и уставится на одну точку, то сядет и безнадежно разведет руками...

– Еще вчера веселый, сильный, здоровый... Смеялся, шутил над нами... Сегодня вбегают ко мне – пожалуйста, генерал умер!.. Обругал денщика, думаю генерал шутит... Он часто так-то... Сам станет за дверь со стаканом воды. Вбежишь к нему в комнату, а он водой тебя... думал и теперь... Осторожно вхожу... Лежит... Еще теплый... О Господи, Господи! – и Эрдели хватается за голову.

Двое врачей четвертого корпуса Гелтовский и Бернатович тоже здесь... Блестящий петербургский генерал с вензелями... Этот больше занят собственной своей особой... Я всматриваюсь в лицо другого военного, рядом стоящего, и вспоминаю. Во время войны его называли первой шарманкой российской армии... Разлетается он к армейскому генералу, тот, видимо, еще не очнулся. Нос башмаком и красный, ноги колесом...

– Нужно признаться!.. Покойник был хороший генерал... Не дурной – с! – авторитетным тоном заявляет «первая шарманка». Косолапый генерал пыжится... Пыхтит, краснеет.

– Если он был не дурной... Так мы-то с вами, ваше превосходительство, что после этого... в денщики к нему... Да и то, пожалуй, не годимся.

Паркетный генерал не унимается. Около стоит молодой офицер генерального штаба с черными, печальными глазами...

– Корпус много потерял в нем!.. И войско – тоже.

– Не корпус и не войско, а весь народ, вся Россия, ваше-ство!..

В час назначена панихида... Едва-едва удалось добиться этого. Хотели служить ее на другой день только после вскрытия трупа... Высокий, красивый архимандрит с черными волнистыми волосами и расчесанной бородой как-то неуверенно, робко показался в дверях с прищом, да там и застыл... Легкий запах кипариса и ладана пронесся в воздухе. Солнечные лучи шире ложатся в комнатах, золотя густые эполеты, красным полымем вспыхивая на лентах и искрсясь на звездах...

– Зачем эти живут... Зачем не они лежат там, вместо него, всем дорогого, всем необходимого? – шевелится на душе обидное сожаление...

– Знаете, какая разница между Скобелевым и этими... – слышится около.

– Какая?

– Разорвись тут граната, эти упадут – а он встанет...

– Его нужно вынести на площадь и показать народу!.. Он народу принадлежит, а не тем, которые только мертвому записываются в друзья!.. Пусть на площади служат панихиду – народ молиться за него хочет...

И глядя сквозь окна на эти благоговейные толпы, на эти глубоко взволнованные лица потрясенных людей, я верил, что только там, только они чувствуют как следует всю грандиозность этой потери... Им, именно им нужно было отдать его, чтобы ни напыщенные фразы, ни притворные слезы не оскорбляли его праха... Там он был бы своим между своими – там искренние слезы лились за него, там за него молились и страдали...

Кто-то в толпе стал было рассказывать о последних часах жизни М.Д. Скобелева.

Слушал, слушал старик какой-то... Крестьянин по одежде...

– Прости ему, Господи, за все, что он сделал для России... За любовь его к нам прости, за наши слезы не вмени его в грех!.. И он человек был, как мы все... Только своих-то больше любил и изводил себя за нас.

И вся окружающая толпа закрестилась – и если молитва уносится в недостижимую высоту неба – эта была услышана там, услышана Богом правды и милости, иначе понимающим и наши добродетели, и наши преступления... В другой толпе рассказ шепотом.

– Был я у Тестова... Вдруг входит он и садится с каким-то своим знакомым... Я не выдержал, подхожу к нему... Позвольте, говорю, узнать, не доблестного ли Скобелева вижу?.. Дозвольте поклониться вам!.. Он вежливо так встал тоже... С кем имею честь говорить, спрашивает. Бояницкий, крестьянин такой-то, говорю. Подал он мне руку и так задушевно, по-дружески пожал мне мою!.. Ушел я да заплакал даже.

– Он простых любил, рассказывают!

И целый ряд рассказов, один за другим, слышался в толпе. Появились солдаты, лично знавшие покойного...

Из спальни, где лежал труп, его вынесли наконец в небольшую комнату, которая еще ничем не была убрана. Первая панихида носила искренний характер. Сюда собрались только знавшие покойного. Не было еще и почетного караула. Когда я вошел сюда, на столе покрытый золотой парчой лежал Скобелев. Его не одели и покров был натянут до подбородка... Громкие уже рыдания слышались кругом... Свет падал прямо на это изящное, красивое лицо с расчесанной на обе стороны русой бородой, на этот гениально очерченный лоб с темной массой коротко стриженных волос... Совсем, совсем спокойное, только страшно желтое лицо... Он, когда волновался, делался гораздо бледнее, чем теперь... Точно заснул... Улыбка лежит на губах и тоже безмятежная, ясная... Широкой полосой горят лучи на золоте парчового покрывала...

– Не тот покров, не тот покров!.. – суетится кто-то позади.

– Чего вам? – спрашиваю я...

– Совсем не тот покров...

– Да вы-то кто...

– Причетник... У нас для сугубых героев которые, есть егорьевский покров... А покойный – то – егорьевский кавалер ведь...

– Как будто не все равно!

Спит... Совсем спит... Кажется вот, вот проснется и улыбнется нам своей молодой, изящной улыбкой, которая как-то еще красивее казалась на этом молодом и блудном лице... Спит... Только одно – муха воя ходит по лицу... На глаз забралась, ползет по реснице... Остановилась, почесала лапки... Смахнули ее – на нос пересела... Нет, умер!.. Волны лучей, льющихся в еще не занавешенные окна, придают странную жизнь этому неподвижному лицу. Точно не шевеля ни одним своим мускулом, он как-то непонятно то и Дело меняет выражение... Прошел кто-то, всколыхнулся воздух, вздрогнули разбросанные по сторонам волосы бороды...

– Вы знаете, что тут один купец сказал... – обращаются ко мне.

– Что?..

– На первых порах он как-то протолкался... Смотрел, смотрел... Ишь, говорит, Михаил Дмитрич при жизни смерти не боялся, а пришла она, умер – да и мертвый смеется ей!..

И действительно смеется...

Уже потом тень чего-то строгого, серьезного легла на это и в самой своей неподвижности красивое лицо... Образовались какие-то незаметные прежде линии вокруг сомкнувшихся навеки глаз, у резко обрисованного характерного носа... Невольно думалось, глядя на этот

труп: сколько с ним похоронено надежд и желаний... Какие думы, какие яркие замыслы рождались под этим выпуклым лбом... В бесконечность уходили кровавые поля сражений, где должно было высоко подняться русское знамя... Невольно казалось, что еще не отлетевшие мысли, как пчелы, роятся вокруг его головы. И какие мысли, каким блеском полны были они!.. Вот эти мечты о всемирном могуществе родины, о ее силе и славе, о счастье народов, дружных с ней, родственных ей, о гибели ее исконных врагов, беспощадной и бесповоротной гибели!.. Сотни битв, оглушительный стихийный ураган залпов, десятки тысяч жертв, распростертых на мокрой от крови земле... Радостное «ура», торжество победы, мирное преуспевание будущего... Грезы о славянской свободе и вольном союзе вольных славянских народов... И все – в этом комке неподвижного трупа, еще не разлагающемся, но уже похолодевшем... По крайней мере, когда мои губы коснулись его лба, мне казалось, что я целую лед... Вся эта слава, все это обаяние перенеслись в воспоминания!.. Все это будущее, надвигавшееся грозой на недругов, эти темные тучи, где рождался гнев неотвратимой бури, где, казалось, уже загорались молнии, все это будущее уже стало прошлым, ни в чем не осуществившись... Человек показал, как много мог он сделать, показал, сколько гордой силы и гения даны ему, чтобы умереть, оставив во всех его знавших горькие сожаления... А знала его вся Россия! И что за подлая ирония – дать человеку мощь ума, орлиный полет гения, дать ему бестрепетное мужество сказочного богатыря, сквозь тысячи смертей, сквозь целый ад провести его невредимым и скосить его среди глубокого мира и спокойствия... Какая не остроумная, злодейская насмешка судьбы!.. И опять та же назойливая мысль: сколько с ним ляжет надежд и упований в черный, полный холода и мрака склеп... А теперь вон муха опять ползет по глазу... Под ресницу забирается, из-за которой орлиный взгляд легендарного витязя привык окидывать вздрагивавшие от восторга и энтузиазма полки...

– Отчего он умер?.. – слышится рядом.

– Говорят, от паралича сердца...

– Ну, а когда мы с вами умрем... У нас будет ведь тоже паралич сердца?

– Тоже.

– Следовательно, это все равно, что умер от смерти.

– Да.

Снаружи, на площади тоже немало было характерных эпизодов.

Шел мимо гостиницы «Дюссо» солдат с Георгиевским крестом... Видит толпу.

– Чего вы, братцы...

– Генерал туточки помер.

– Какой генерал?

– Скобелев...

– Чего?

Солдата на первый раз ошеломило.

– Скобелев померши!

– Скобелев помер?.. – И солдат опамятовался... – Ну это, брат, врешь... Скобелев не умрет... Ен, брат, помирать не согласен!..

– Говорят тебе, помер...

– Тут, брат, что-нибудь... А только Скобелев не помрет... Врешь... Это уж, брат, верно.

Ему помереть никак невозможно.

И совершенно спокойно пошел вперед... Встретил своего.

– Дурень народ у нас.

– А что?

– Ему сказывают, Скобелев помер, он и верит... Скобелев, брат, не помрет... Сделай одолжение... Может, другой какой, а только не наш!..

В первый же день явился едва держащийся на ногах старик с кульмским крестом на груди... Поклонился в землю, поцеловал в лоб генерала, отцепил свой кульмский крест, положил тому на грудь и ушел вон... Так и не узнали, кто это...

Потом явился другой ветеран, такой же дряхлый и слабый. Долго, долго всматривался в неподвижные черты усопшего.

– Один такой был, да и того Бог взял...

Помолчал несколько.

– Гневен он на русскую землю... В гневе своем и покарал жестоко... Как Египет – древле... Так и нас теперь...

Вышел уже из комнаты, остановился в дверях. Обернулся.

– Тебе хорошо теперь, а каково нам-то без тебя.

Еще накануне Скобелев обдумывал громадные маневры, где преобразованная им кавалерия должна была бы по несколько раз вплавь переходить Днепр, горячо толковал об этом, читал, учился, делал сотни заметок для завтрашнего дня... И вот, когда пришел этот завтрашний день, уж некому осуществить этих блестящих замыслов...

– Хорошо, что покойник оставил планы свои и предположения... – слышится около.

– Почему хорошо?

– При случае ими можно воспользоваться!

– А кто кроме него самого в состоянии выполнить его планы... Где другой такой?..

«Со святыми упокой», – слышится печальный мотив панихиды. Все встали на колени...

И почему-то с удивительной ясностью вспомнилось мне в эти минуты все его прошлое... Целая эпопея, пережитая им... Картина за картиной, то под дождем болгарской осени, то в снеговых буранах балканской зимы, то в золотых сожженных солнцем хивинских степях, то в волшебной рамке Босфора и Византии... Теперь пора рассказать о нем... Я был около него в тяжелые и радостные дни, я с ним встречался и после, со мной он был откровеннее, чем с другими... Обо многом мы мыслили далеко не одинаково... Я не разделял его взглядов на войну, не понимал его боевого энтузиазма; мы подолгу спорили по разным вопросам народной жизни, но я его любил, я видел в нем гения, тогда когда вражда и зависть шипели кругом, когда змеиные жала не щадили этой нервной организации, этого жиро чувствовавшего сердца... Мне выпала честь в прошлую кампанию первому рассказать о нем, о его подвигах и доблестях, теперь я хотел отдать ему последний долг, нарисовав в беглых очерках не только богатыря, но и человека...

Глава 2

Кажется, недавно было, а уже легендой становится! В июне 1877 года любовался я с журжевского берега на Дунай.

Синяя ширь его была покойна. Ни малейший порыв ветра не колыхал заснувшую волну... Солнечные блики ярко расплывались по неподвижному зеркалу реки; направо далеко-далеко в полуденном зное и блеске точно млели низменные, сплошь заросшие свежим густолесьем острова... Из-за них чуть виднелись мачты спрятавшихся там по проливам судов. Заползли от наших орудий в свои тихие убежища и не шелохнутся, только в бинокль рассмотришь, как едва-едва раздуваются пестрые флаги... Сегодня они, впрочем, бессильно повисли вдоль мачт... Еще дальше за ними красивые черепичные кровли турецкого села и высокий белый минарет... Около вооруженный глаз различает и желтые валы батарей и неподвижных часовых. Цапли на огрехе деревенской хатки торчат так же, как и эти турецкие солдаты. Зеленые облака садов приникли прямо к воде... Иной раз ветер тянет оттуда раздражающую струю густого аромата, в котором слились тысячи дыханий давно уже распустившихся цветов... Еще дальше направо – пологая гора, сплошь заставленная белыми палатками громадного лагеря. На самой вершине ее, точно зверь, притаившийся перед последним прыжком, едва-едва намечивается грозный форт Левант-Табии...

Я засмотрелся и на сверкающие воды Дуная, и на тихие берега его, погружившиеся в какую-то мечтательную дрему... Не хотелось верить в возможность войны и истребления здесь, среди этого идиллического покоя, едва-едва нарушаемого криком чаек... Воя из-за горы, на которой чуть-чуть наметился форт, виноградники, сады Рущука, целое море черепичных кровель, топей, старающихся перерасти минареты, минаретов, все выше и выше поднимающих к безоблачному небу свои белые верхушки с черными черточками балкончиков, с которых муэдзины выкрикивают всему правоверному миру меланхолические молитвы когда-то торжествовавшего здесь ислама... Воя черные купы кипарисов... У самого берега броненосцы замерли в воде – белые трубы ни одного клуба дыма не выбросят в прозрачный воздух... Точно железное сердце их перестало биться и крепкой броней покрытая грудь не дышит... Грузная масса главной мечети слепит глаза... Ее вершина, словно серебряная звезда, горит над городом... А вот и самая гавань с яркими флагами и вымпелами перед домами консулов, с целой стаей лодок, катеров, мелких пароходиков и с тысячами народа, сбившегося к воде.

– С кем имею честь!.. – послышалось за мною.

Смотрю-молодой, красивый генерал... «Слишком изящен для настоящего военного», – подумал я было, но, всмотревшись в эти голубые, решительные глаза и энергичную складку губ, тотчас же взял свою мысль обратно.

Я назвал.

– Очень приятно... Не легкая у вас обязанность... Корреспондент – это бинокль, сквозь который вся Россия оттуда смотрит на нас. Вы ближайшие свидетели и от вас зависит многое... Показать истинных героев и работников, разоблачить подлость и фарисейство... Я вас еще не видел... Я – Скобелев.

– Я был у вашего отца вчера...

– У паши? – сорвалось у молодого генерала... Он засмеялся... – Это моя молодежь отца пашой называет. Жаль, что я вас не видел. Вы где остановились?..

Я сказал.

– Вот сейчас музыка начнется!

– Какая? – удивился я.

– Да вот видите ли: стоит отцу или мне показаться здесь, чтобы вон с той батареей открыли огонь...

«Музыка» началась скорее, чем я ожидал. Белый клубок точно сорвался вверх с желтой насыпи турецкой батареи. Через три или четыре секунды послышался гул далекого выстрела и, словно дрожа в теплом воздухе, с долгим стоном пронеслась вдалеке граната и шлепнулась в Дунай, взрыв целый фонтан бриллиантовых брызг...

– Недолет! – спокойно заметил Скобелев...

Вторая граната пронеслась над нами и разорвалась где-то позади.

– Перелет... Теперь, если стрелки хороши, – должны сюда хватить...

Точно и не в него это, точно он зритель, а не действующее лицо.

Третья и четвертая граната зарылись в берег близко-близко, когда из Журжева прискакал молодой ординарец.

– Ваше превосходительство, пожалуйста...

– А что?.. Паша разозлился?

– Димитрий Иванович сердится... Напрасно перестрелку начинаете.

Скобелев улыбнулся своей мягкой, доброй улыбкой.

– Ну, пойдем...

Это было довольно обыденное удовольствие Скобелева. Он уходил на берег с небольшим кружком офицеров, а турецкая батарея точно только этого и ожидала, чтобы открыть огонь по ним.

– Зачем вы это делаете?

– Ничего... Обстреляться не мешает... Пускай у моих нервы привыкнут к этому... Пригодится...

Иногда и сам «паша» присоединялся к молодежи. Он стоял под огнем спокойно, но все время не переставал брюзжать...

– Ну чего ты злишься, отец. Надоело тебе, так уходи... Оставь нас здесь.

– Я не для того ношу генеральские погоны, чтобы этой сволочи, – кивал он на тот берег, – спину показывать... А только не надо заводить... Чего хорошего? Еще чего доброго...

– Набальзамируют кого-нибудь?

«Набальзамируют» на языке молодого Скобелева значило «убьют».

– Ну да... набальзамируют.

– Вот еще... куда им. А впрочем, на то и война... Что-то уж давно без дела торчим здесь – скучно. У нас в Туркестане живей действовали...

– Хотите, отец сейчас уйдет? – обращался к Своим Скобелев, когда тот уж очень начинал брюзжать.

– Как вы это сделаете?

– А вот сейчас... Папа... Я, знаешь, совсем поистратился... У меня ни копейки. – И для вящего убеждения Скобелев выворачивал карманы...

– Ну вот еще что выдумал... У меня у самого нет денег... Все вышли.

И крайне недовольный, «паша» уходил назад, оставляя их в покое.

Обрадованная этим, молодежь брала лодки, сажала туда гребцами уральских казаков и отправлялась на рекогносцировки по Дунаю – под ружейный огонь турок...

Это называлось прогулкой для моциона.

В сущности, тут было гораздо больше смысла, чем кажется с первого взгляда. Во-первых, и казаки, и офицеры при этом приучались к огню, приучались не только шутить, но и думать, соображать под огнем; во-вторых, развивалось удалство и презрение к смерти, столь необходимое истинно военным, а в-третьих, изучался Дунай с его островами и берегами... В одной из таких рекогносцировок участвовать привелось и мне. Небольшая рыболовная лодочка забралась в лабиринт лесистых островов Дуная, заползала во все их закоулки. Точно выслеживала в них кого-то... Небольшой турецкий пикет, засевший где-нибудь, хотя бы с верхушек этих же деревьев мог наверняка перебить нас всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.